

Сулейман А.А., стажер Института международных исследований МГИМО МИД России (Россия)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ИРАКСКОГО И СИРИЙСКОГО КУРДИСТАНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В данной статье проведён анализ возникновения автономных от Сирии и Ирака правительств, которые представляют этнико-культурное меньшинство курдов, проживающих на данных территориях. Изучение данного вопроса затрагивает не только исторический и политический аспекты, но и идеологический фундамент обеих политических автономий. Если политические силы Иракского Курдистана придерживаются воззрений на создание национального государства, то их коллеги из Сирии смотрят совсем иначе на построение нового общества, приняв в качестве идеала взгляды Абдуллы Оджалана, лидера Рабочей Партии Курдистана. В двух политических автономиях сложились разные конфигурации партий: в Ираке курдская политическая автономия основана на основе сотрудничества и конкуренции нескольких партийных организаций, а в Сирии – сформировалась фактическая партийная монополия. В Иракском Курдистане идеологическую основу политической борьбы составляют разные формы национализма, которые подталкивают автономию к поиску путей провозглашения и закрепления независимости. Напротив, в Сирии курдская автономия основана на левых идеях сопротивления различным формам эксплуатации и потому оспаривает необходимость независимости и государства в его современной форме. В совокупности, такая конфигурация обуславливает слабую совместимость двух политических проектов и невозможность для каждого из них по отдельности добиться желаемого фиксированного статуса на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Курдистан, Рожава, курды, Ирак, государственность, Сирия, сепсессионизм.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-04-142-148

Введение. Курды — самая большая по численности нация без своего собственного государства, проживающая на территориях четырех различных государств. В трёх из четырех стран, на территории которых располагается «Великий Курдистан», курды являются самой крупным этническим меньшинством (в Турции, Ираке и Сирии). В этих государствах курдское меньшинство сталкивается с попытками ассимиляции и дискриминации, которые лишь обостряют существующие противоречия и создают стимулы для политической радикализации.

Попытки построить своё собственное, суверенное государство несколько раз оборачивались неудачей. Но на данный момент на территории Ближнего Востока существуют два курдских протогосударственных образования – Сирийский (Автономная Администрация Северной и Восточной Сирии или Рожава) и Иракский Курдистан. Их международно-правовой статус примерно одинаков – их не считают отдельными политическими единицами и рассматривают как часть некурдских государств. При этом, даже их текущий статус потребовал длительной вооруженной борьбы и деятельного отстаивания фактической автономии. В то же время, две эти политические единицы еще и находятся в определённой конкуренции друг с другом и представляют собой конкурирующие альтернативные проекты, вокруг которых может быть выстроена курдская государственность. Поэтому рассмотрение внутренних и идеологических особенностей Сирийского и

Иракского Курдистана представляет не только исследовательский, но и практический интерес.

Объекты и методы исследования. Объектом данного исследования являются местные правительства (фактические органы власти), представляющие курдское меньшинство на территории Сирии и Ирака в пределах контролируемых им территорий. Важно понимать, что претензии курдских автономий распространяются за пределы зоны их фактического контроля. В частности, Иракский Курдистан претендует на провинцию (мухафазу) Киркук, которую с конца 2017 года заняли лояльные иракскому правительству подразделения. Кроме того, фактические органы власти в двух автономиях часто выступают от имени курдского меньшинства не в силу каких-то современных процедур отбора представительских органов, а, скорее, в заявительном порядке. Например, в Сирийском Курдистане первые органы управления появились в 2013-2014 гг., а выборы процедуры прошли только в 2017 году.

В данной статье будет проведён сравнительный анализ работы внутренних институтов двух курдских политических единиц, также будет предпринята попытка ответить на вопрос какие возможные последствия будут при попытке отделения Рожавы и автономии курдов в Ираке от центрального правительства.

Необходимо провести идеологическое различие между двумя национальными проектами курдов в Сирии и Ираке, которые представляют две разные модели построения политического

сообщества. Модель Рожавы (т.е. Сирийского Курдистана) не имеет своей окончательной целью создание национального государства [16]. В соответствии с положениями, изложенными лидером Рабочей партии Курдистана (РПК) Абдуллой Оджаланом, создание национального государства не решит проблем, созданных «этатистской» цивилизацией, которая строится на монополии власти и угнетения [7]. Напротив, Иракский Курдистан в 2017 году провел референдум о независимости и, тем самым, задекларировал в качестве окончательной цели построение государства в его современной форме.

Результаты и их обсуждение. Иракский Курдистан занимает территорию северного Ирака, в том числе такие городские агломерации как Сулеймания, Эрбиль, и Дахук. В Иракском Курдистане сформированы собственные институты национального государства: однопалатный парламент (Национальное Собрание Курдистана), вооруженные силы («Пешмерга»), президент, конституция. Согласно Конституции автономии, официальными языками являются курдский и арабский, а столицей — город Киркук [14]. В регионе роли главных политических сил осуществляют две политические партии — Демократическая Партия Курдистана (ДПК) и Патриотический Союз Курдистана (ПСК) [1], а также относительно новая, созданная в 2009 году в результате раскола в ПСК, партия Горран [3].

В ближневосточных реалиях партийные структуры нередко не имеют ярко выраженной идеологической окраски, отстаивают интересы определенных семейно-родовых групп и связанных с ними патрон-клиентских сетей. Это ярко проявляется в Иракском Курдистане. В частности, после смерти Дж. Талабани, многолетнего лидера Патриотического Союза Курдистана, на IV съезде партии в 2019 году специально поменяли устав ПСК, чтобы ввести институт сопредседателей и избрать на одну из вакантных позиций сына покойного руководителя Б. Талабани и его двоюродного брата Л. Талабани. Аналогично, после смерти основателя партии «Горран» Н. Мустафы в 2017 году реальные рычаги управления достались его сыновьям — Нма и Чиа. Формальным лидером «Горрана» был избран О.С. Али, но братья Мустафа сохранили контроль над финансами и медийными активами, а здание штаб-квартиры партии зарегистрировали на свое имя [13].

Иракский Курдистан как полноценное политическое образование (регион Курдистан) возник 19 мая 1992 года, вследствие проведения на данной территории выборов в Национальный Совет Иракского Курдистана. Причин этому несколько. Во-первых, иракские курды стремились обезопасить себя от репрессий со стороны

режима Саддама Хусейна, а именно от политики арабизации населения, этнических чисток, ассимиляции [17]. Во-вторых, на территории Ирака сложилась удобная для курдов ситуация для отделения, так как иракские вооруженные силы потерпели сокрушительное поражение от международной коалиции во главе с США в 1991 году [1]. В то же время, проведенные выборы не привели к формированию единой курдской администрации — напротив, ДПК и ПСК сформировали свои собственные структуры управления и не проводили затем выборов до 2005 года [13].

Фактически, в новой политической единице вспыхнула гражданская война. Конфликт между лидерами ДПК и ПСК по экономическому и таможенному функционированию КАР перерос в полноценное вооруженное противостояние. Война нанесла сильный удар по политическому развитию Курдского автономного района, но по итогу конфликт удалось решить в 2002 году, когда ДПК и ПСК подписали соглашение о прекращении конфликта и подтвердили свою решимость к построению федеративного государства в Ираке [2]. Стоит отметить, что площадку для переговоров между М. Барзани и Дж. Талабани предоставили США [1].

В институциональном плане Курдский автономный район в Ираке столкнулся с целым рядом слабо разрешимых проблем. Во-первых, официально признанная конституцией столица КАР, город Киркук, находится под управлением федерального центра. Контроль на Киркуке позволил бы Иракскому Курдистану получить большую экономическую самостоятельность, поскольку в этой местности много нефтяных месторождений [12; 19]. Во-вторых, у курдов в Иракском Курдистане де-факто не сложилась современная система взаимоотношений между обществом и представителями власти: из-за патрон-клиентской природы основных политических сил любая конкуренция в публичном поле ограничена неформальными договоренностями и принципами лояльности собственной семейно-партийной группе. По всей видимости это высокий уровень экономического неравенства и повышает степень социальной напряженности внутри региона. Наконец, в-третьих, Иракский Курдистан пострадал от действий Исламского Государства (запрещено в России) — многие поселения были разорены, системы водоснабжения пришли в негодность, обострилась гуманитарная ситуация [17].

В 2017 году правительство КАР решилось провести референдум по вопросу независимости региона от Ирака, результат был ошеломительным: 92% избирателей выступило за независимость при явке в 72% [15]. Но реакция международной общественности была негативной, Иран

закрыв границы с КАР [17], лояльные иракскому правительству подразделения взяли под контроль Киркук. Практически все страны Ближнего Востока, хотя бы как-то связанные с курдским вопросом, очень негативно отреагировали на создание курдского государства, кроме одного. В начале сентября 2017 года премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху поддержал идею создания независимого курдского государства. "Израиль поддерживает законные усилия курдского народа по обретению государственности", — заявил Нетаньяху [16]. Очевидно, что Израилю было бы выгодно иметь такого партнера или союзника как независимый Курдистан, еще одно неарабское государство на территории преимущественного Ближнего Востока.

Идеологический путь иракских курдов — построение национального государства, в классическом смысле. Но проблемы налицо, невозможность удержать декларируемые территории, т. е. Киркук, экономическая зависимость от соседей и центрального правительства Ирака, отсутствие поддержки со стороны признанных государств (кроме Израиля), высокий уровень неравенства, всё это способствует многократному снижению шанса обретения Иракским Курдистаном независимости от Ирака. Основной проблемой на пути к независимости — остается невозможность поддерживать жизнеспособность (как экономическую, так и социальную) без взаимодействия с внешними акторами; при попытке сецессии Иракский Курдистан буквально не сможет торговать и получать необходимые ресурсы.

Несмотря на всю условность идеологической направленности партий в КАР, необходимо отметить ряд их существенных характеристик. Демократическая партия Курдистана была сформирована потомками феодальных и племенных лидеров из района Бахдинан севернее Мосула. Поэтому в исходном виде эта партия придерживалась традиционалистских взглядов и была открыта для сотрудничества с внешними силами (от Турции и Израиля до США). Сходную националистическую риторику воспроизводил и Патриотический Союз Курдистана, но с одним исключением — в его программе изначально подчеркивалось неприятие вмешательства внешних сил, даже легкий антиамериканизм. Однако, с течением времени, идейная платформа ПСК преобразовалась в весьма инструментальное отношение к внешним силам и стремление использовать их для максимального ослабления государственности Ирака. В последние десятилетия в Иракском Курдистане также появились партии религиозного толка — Исламский Союз Курдистана и Исламская группа Курдистана. Однако они тоже заняли националистические позиции по итогам

референдума 2017 года о независимости. К условным политическим силам левого спектра можно отнести «Горран» и Курдскую социалистическую демократическую партию, хотя КСДП в 2018 году пошла на выборы в избирательном блоке с религиозными партиями [13]. То есть, в идеологическом плане в Иракском Курдистане представлен, преимущественно, этнический национализм, отличающийся у каждой из партий, скорее, риторической оболочкой, чем содержанием.

Если сравнивать положение курдов в Сирии и Ираке, то ситуация в Сирии на данный момент незавидная. Хотя курдам и удалось создать органы местного самоуправления и организовать боеспособные силы, которые смогли дать мощный отпор боевикам ИГ в боях за город Кобани [4], положение дел у сирийских курдов заметно ухудшилось. Как минимум, Автономная администрация северной и восточной Сирии (формальное название Рожавы) потеряла существенную часть своей территории, а именно столицу одного из своих кантонов — город Африн [18]. Как максимум, будущее автономии находится под вопросом.

Курдское население в Сирии, в основном, компактно проживает в Заевфратье, в котором сосредоточено значительное число нефтяных месторождений, а на севере — много пригодных для сельского хозяйства земель (в довоенные годы выращивался даже рис). Районы с преимущественно курдским населением составляют два анклава с центрами в Хасеке и Африне. Между этими анклавами население смешанное — арабское, турецкое (туркоманское), отчасти черкесское. В целом, в Сирийской Арабской Республике курды составляют 10% населения (примерно 2–2,5 млн. человек) страны [1].

Политика, проводимая в отношении курдов в довоенной Сирии, было двойственной; с одной стороны правительство Хафеза Асада укрывало на территории страны лидера Рабочей Партии Курдистана — Абдуллу Оджалана, с другой — демонстрировалось нежелание интегрировать курдское меньшинство в политическую и гражданскую жизнь страны. Это проявилось, как минимум, по двум направлениям. Во-первых, Х. Асадом последовательно проводилась политика по арабизации курдских ареалов и созданию «арабского пояса» с целью вытеснить данное меньшинство с богатой на ресурсы территории. Во-вторых, сирийское правительство создало для курдского меньшинства такие условия, которые отсутствие возможностей в экономической сфере, получении высшего образования и доступа к социальной мобильности [13].

Причинами нынешней фрагментации Сирии, помимо внешней интервенции, стало отсутствие работоспособной системы центр-периферийных отношений, опора Асада-младшего на

устаревший механизм управления [8] и длительные репрессии в отношении курдов [1]. В условиях вмешательства со стороны западных государств в политические процессы в Сирии возник управленческий вакуум, а политика в отношении курдского меньшинства позволила партии «Демократический Союз» Демократического Единства и Курдскому Национальному Совету создать после начала гражданской войны собственное правительство — Высший Курдский Совет. Его возникновение сопряжено с тем, что сирийские органы власти покинули данный регион в августе 2012 года, когда начались бои за Алеппо [16].

Как и в Иракском Курдистане, в Сирии курдский проект автономии также связан с определенными партийными силами. Хотя в Сирийском Курдистане много политических партий, в 2012-2014 гг. на передний план выдвинулась партия «Демократический Союз» (ПДС), которая располагала не только вооруженными подразделениями, но и поддержкой внешних сил — прежде всего, турецкой Рабочей партии Курдистана и связанных с ней европейских организаций. В 2013 году ПДС создала первый автономный район в округе города Камышлы на северо-востоке Сирии, а затем постепенно расширяла зону своего влияния на запад и юг от этого анклава. Вероятно, окончательно значение «Демократического Союза» как основной сирийской курдской партии закрепилось во время осады (сентябрь 2014-январь 2015) города Кобани (Айн аль-Араб) Исламским государством (запрещено в России). Во-первых, оборона города вооруженными отрядами ПДС сделала их символом борьбы за права курдского меньшинства и придала им героический статус. Во-вторых, даже глава Иракского Курдистана М. Барзани — при всех разногласиях с ПДС и РПК — был вынужден под давлением общественного мнения направить небольшой отряд на помощь для деблокады Кобани [1].

Стоит отметить, что идеологический аспект играет важную роль в борьбе сирийских курдов, причём он разительно отличается от идеологии курдов Ирака. Основывается она на теории А. Оджалана, который, находясь в тюрьме Имрالي, Турция, написал пятитомный труд под названием «Манифест демократического общества», посвященный проблемам современного капитализма, положения женщин в обществе, экологии, пониманию демократии и эксплуатации под эгидой национального государства. По мнению Оджалана, существующая капиталистическая формация (стадия развития) не только не может восстановить себя, но и встречает нарастающее сопротивление. На планетарном уровне сама окружающая среда подает все больше признаков того, что простое изъятие ресурсов и минимизация экологических

затрат может вести к дальнейшим дисбалансам и природным катастрофам. На глобальном уровне условная мировая периферия и полупериферия все меньше соглашаются с неформальными имперскими практиками и макроэкономической эксплуатацией. На национальном уровне утверждаемые государствами модели этничности, религиозности и расы вызывают нарастающее число конфликтов, часть из которых включает в себя меньшинства, выступающие с позиций мирного сосуществования, а не ассимиляции и культурно-исторической унификации. Наконец, на локальном уровне все более очевидным становится неравное положение женщин в обществе, которое также сталкивается с сопротивлением и отторжением (не только со стороны самих женщин). Центральным элементом демонтажа этой многоуровневой структуры эксплуатации А. Оджалан считал национальное государство, которое уничтожает социальную множественность и само по себе становится проводником гегемонистских отношений в мире. Ключевой тезис этой концепции — поиск альтернатив национальному государству и поощрение сил сопротивления на каждом из уровней.

Взамен «этнической цивилизации» Оджалан предлагал дать путь «демократической цивилизации», которая существует параллельно и на протяжении тысячелетий борется против первой. Именно победа демократической цивилизации обеспечит курдам, да и всему миру в целом, освобождение от рекуррентного цикла эксплуатации [7]. Важный пункт борьбы демократической цивилизации — освобождение женщин от угнетения со стороны патриархата и социальной иерархии; Оджалан по этому поводу пишет следующее: «Метод Исследований, не видящий реалий женской жизни, борьба за свободу и равенство, не вовлекшая женскую проблему в свой эпицентр, никогда не постигнет истины, не достигнет свободы и равенства» [9]. Но для того, чтобы демократическая цивилизация смогла победить в борьбе против национального государства, она должна быть продвинута снизу вверх, её идея должна быть осознана, адаптирована и имплементирована простыми гражданами, а не национальной элитой [20].

И действительно, в контексте либерализации общества, Рожава опережает многие страны Ближнего Востока. Например, женщины воюют наравне с мужчинами в отдельных вооруженных формированиях (Yekîneyên Parastina Jin, с курманджи: Женские Отряды Самообороны) [11], что позволило им в значительных темпах эмансипироваться. Более того, образование в регионе предоставлено не только на курманджи и арабском, но и на сирском, туркменском, адыгейском языках [12]. ПДС также создала на подконтрольной территории экологически безопасное

производство и кооперативы, провела «социализацию» 2/3 крупной собственности (передача в общественное пользование) [16].

Но вышеупомянутый процесс эмансипации женщин в курдском освободительном движении начался, в действительности, до гражданской войны в Сирии. Женщины играли значительную роль и до данных событий, в особенности в рамках Рабочей Партии Курдистана, которая ведет вооруженную борьбу на территории Турции, представители женской части успешно создали автономную от руководящих органов организационную структуру [11]. Более того, в рамках освобождения от угнетения со стороны капитализма и эксплуатации со стороны мужчин [7] предлагается использовать новые формы концептуализации знания. Именно таким нововведением стала «женология» [jineoloji] (наука о женщине), целью которой является идеологическое поддержание идей гендерного равенства между мужчинами и женщинами и построения общества на идеях демократической цивилизации, изложенных Оджалом [5].

Даже учитывая некоторые успехи Рожавы в построении более справедливого общества на фундаменте идеи о «демократической цивилизации», на данный момент дальнейшее существование автономии находится под угрозой. В частности, что один из стратегических городов Рожавы (Африн) был занят подразделениями ВС Турецкой Республики. В рамках астанинского переговорного формата по Сирии страны-участницы заявили о приверженности территориальной целостности САР и выразили решимость противостоять «сепаратистским» планам в Заевфратье [10]. Иными словами, то есть страны-гаранты, в том числе Российская Федерация не рассматривают наличие курдской автономии на территории поствоенной Сирии. А это значит, что, по всей вероятности, страны-гаранты вести диалог с представителями

автономной администрации не будут. И дальнейшее функционирование Сирийского Курдистана как автономного субъекта, скорее всего, либо будет в таком же подвешенном состоянии (как де-факто независимая политическая единица без внешнего признания), либо сведется к последующей ликвидации при окончательном восстановлении суверенитета Сирийской Арабской Республики.

Заключение. Рассмотрев в данной статье два проекта построения автономных обществ на территориях компактного проживания курдов, можно смело заявить, что с большой долей вероятности такое государство как Курдистан в ближайшем будущем не возникнет. Во-первых, основная проблема заключается в том, что существующие проекты курдской государственности или автономии, в целом, не получают поддержки со стороны соседних государств, что критически важно в условиях отсутствия у курдских территорий выхода к морю. Именно это случилось в 2017 году во время референдума по вопросу независимости на территории Иракского Курдистана, когда Турция и Иран крайне негативно восприняли вариант с сецессией курдских территорий. Во-вторых, курдская государственность не возникнет и по внутренним причинам. В Иракском Курдистане фактическими носителями власти стали партии, организованные на основе патрон-клиентских сетей: иными словами, структуры Премодерна не способны выстроить институты Модерна. Напротив, в Сирийском Курдистане политическая автономия выстроена на идеях отрицания государственности, акцента на локальном уровне властных отношений. В таких условиях, разница между идеологическими ядрами Иракского Курдистана и Рожавы остается непреодолимой, что создаст проблемы в коммуникации при возможном объединении усилий двух курдских политических единиц.

Список литературы

1. Вертяев, К. В. Курдский национализм: История и современность / К. В. Вертяев, С. М. Иванов. М.: ЛЕНАНД, 2018. 352 с.
2. Воробьев С.В. Иракский Курдистан: эволюция проблемы формирования политического статуса // Обозреватель-Observer. 2021. №10. С. 59-71.
3. Движение «Горран». История и перспективы после смерти лидера. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/dvizhenie-gorran-istoriya-i-perspektivy-posle-smerti-lidera/> (дата обращения: 25.04.2024).
4. Дергами А. Почему ускользнул сирийский г. Кобани от ИГИЛ? (Личный обзор с места событий) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. №3. С. 31-33.
5. Жинология, как основной предмет учебной программы в школах. URL: <https://hwarnews.com/ru/15404559002598> (дата обращения: 1.06.2024).
6. Израиль выступил за создание курдского государства. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-41251860> (дата обращения: 25.04.2024).
7. Капиталистическая цивилизация. Эпоха богов без масок и голых королей. Книга 2. / А. Оджалан. М.: Зебра Е, 2012. 400 с.
8. Козинцев А.С. Борьба за государство: Сирийский кризис сквозь призму центр-периферийных

отношений // Политическая наука. 2018. № 4. С. 223–240. – DOI: 10.31249/poln/2018.04.11

9. Манифест демократического общества. Книга пятая: Курдская проблема и решение модели демократической нации: Защита курдов, находящихся в тисках культурного геноцида / Абдулла Оджа-лан. М.: Федеральная национально-культурная автономия курдов РФ, 2016. 832 с.

10. Переговоры по Сирии в астанинском формате. URL: <https://ria.ru/20240124/peregovory-1922921581.html> (дата обращения: 07.04.2024).

11. Bahar Ş., Jongerden J. Gender Revolution in Rojava: The Voices beyond Tabloid Geopolitics // Geopolitics. 2021. Vol. 26. №4. pp. 1023-1045, DOI: 10.1080/14650045.2018.1531283

12. Bali A. The political development of Iraqi Kurdistan // International Journal of Political Science and Development. 2016. Vol. 4. №. 6. pp. 208-215.

13. Nama H. H., Abdullah F. H. Political parties and the political system in Iraqi Kurdistan // Journal of Asian and African studies. 2021. Vol. 56. №. 4. pp. 754-773.

14. Kurdistan: Constitution of the Iraqi Kurdistan Region. URL: <https://unpo.org/article/538?id=538> (дата обращения: 25.04.2024).

15. Le Kurdistan seul au monde après son référendum. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/2017/09/27/01003-20170927ARTFIG00298-le-kurdistan-seul-au-monde-apres-son-referendum.php> (дата обращения: 25.04.2024).

16. Manzinger, K., & Wagner, P. (2020). A szíriai kurdok és Rozsava – alternatív társadalomépítés a Közel-Keleten. Honvédségi Szemle – Hungarian Defence Review, 148(1), 15–40. DOI: 10.35926/HDR.2020.1.2

17. Mohammed J. A., Alrebh A. F. Iraqi Kurds: The dream of nation state // Digest of Middle East Studies. 2020. Vol. 29. №. 2. pp. 215-229. DOI: 10.1111/dome.12216

18. Six years after Afrin occupation, violations of human rights persist without any signs of abating. URL: <https://www.kurdistan24.net/en/story/34318-Six-years-after-Afrin-occupation,-violations-of-human-rights-persist-without-any-signs-of-abating> (дата обращения: 17.05.2024).

19. Sumer F., Joseph J. The paradox of the Iraqi Kurdish referendum on independence: contradictions and hopes for economic prosperity // British Journal of Middle Eastern Studies. 2018. Vol. 45. №. 4. pp. 574-588. DOI: 10.1080/13530194.2018.1430533

20. Sunca Y. The bifurcated trajectory of nation formation in Kurdistan: Democratic confederalism, nationalism, and the crisis of capitalist modernity // Nations and Nationalism. 2020. Vol. 26. №. 4. pp. 979-993.

COMPARATIVE ANALYSIS OF SYRIAN AND IRAQI KURDISTAN: CHALLENGES AND PROSPECTS OF STATE BUILDING

This article analyzes the emergence of governments autonomous from Syria and Iraq, which represent the ethnic and cultural minority of Kurds living in these territories. The study of this issue affects not only the historical and political aspects, but also the ideological foundation of both political autonomies. If the political forces of Iraqi Kurdistan adhere to the views on the creation of a national state, then their colleagues from Syria have a completely different view on the construction of a new society, having adopted the views of Abdullah Ocalan, the leader of the Kurdistan Workers' Party, as an ideal. Different party configurations have developed in the two political autonomies: in Iraq, the Kurdish political autonomy is based on cooperation and competition between several party organizations, and in Syria, a de facto party monopoly has formed. In Iraqi Kurdistan, the ideological basis of the political struggle is made up of various forms of nationalism, which push the autonomy to search for ways to proclaim and consolidate independence. In contrast, in Syria, Kurdish autonomy is based on leftist ideas of resistance to various forms of exploitation and therefore challenges the need for independence and the state in its current form. Taken together, this configuration makes the two political projects weakly compatible and makes it impossible for either to achieve the desired fixed status in the Middle East.

Keywords: Kurdistan, Rojava, Kurds, Iraq, Syria, stateness, Abdullah Ocalan, secessionism.

References

1. Vertyaev, K. V. & Ivanov S.M. (2018). Kurdskiy nacionalizm: Istoriya i sovremennost'. [Kurdish Nationalism: History and Modernity]. Moscow, 352 p.

2. Vorob'ev S.V. (2021). Irakskiy Kurdistan: evolyuciya problemy formirovaniya politicheskogo statusa // Obozrevatel'-Observer [Iraqi Kurdistan: the evolution of the issue of political status formation // Observer] No. 10, p. 59-71.

3. Dvizhenie «Gorran». Istoriya i perspektivy posle smerti lidera // RSMD [The Gorran Movement. History and prospects after the death of the leader // RIAC], URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/dvizhenie-gorran-istoriya-i-perspektivy-posle-smerti-lidera/> (accessed: 17.05.2024).

4. Dergami, A. (2015). Pochemu uskol'znul sirijskiy g. Kobani ot IGIL? (Lichnyy obzor s mesta sobytij)

// Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' [Why did the Syrian town of Kobani slip away from ISIS? (Personal review from the scene) // Historical and socio-educational thought], Vol. 7, No. 3

5. Zhinologiya, kak osnovnoj predmet uchebnoj programmy v shkolah // ANHA [Jinology as a central subject of the curriculum in schools // ANHA] URL: <https://hwarnews.com/ru/15404559002598> (accessed: 17.05.2024).

6. Izrail' vystupil za sozдание kurdsogo gosudarstva // BBC [Israel favoured the establishment of a Kurdish state // BBC], URL: <https://www.bbc.com/russian/news-41251860> (accessed: 17.05.2024).

7. Ocalan A. (2012). Kapitalisticheskaya civilizaciya. Epoha bogov bez masok i golyh korolej [Capitalism. The Age of Gods and Naked Kings]. Moscow, 400 p.

8. Kozincev A.S. (2018). Bor'ba za gosudarstvo: Sirijskij krizis skvoz' prizmu centr-periferijnyh otnoshenij // Politicheskaya nauka [Struggle for the state: Syrian crisis through the prism of centre-periphery relations // Political Science], No. 4, p. 223-240, DOI: 10.31249/poln/2018.04.11

9. Ocalan A. (2016). Manifest demokraticeskogo obshchestva. Kniga pyataya: Kurdsкая problema i reshenie modeli demokraticeskoy nacii: Zashchita kurdiv, nahodyashchihся v tiskah kul'turnogo genocida [Manifesto for a Democratic Civilization. Volume 5: The Kurdish Question and the Solution to the Democratic Nation Model: Protecting Kurds in the Grip of Cultural Genocide], Moscow, 832 p.

10. Peregovory po Sirii v astaninskom формате // RIA Novosti [Negotiations on Syria in the Astana format // RIA Novosti]. URL: <https://ria.ru/20240124/peregovory-1922921581.html> (accessed: 17.05.2024).

11. Bahar Ş., Jongerden J. (2021). Gender Revolution in Rojava: The Voices beyond Tabloid Geopolitics // Geopolitics. Vol. 26. №4. pp. 1023-1045, DOI: 10.1080/14650045.2018.1531283

12. Bali A. (2016). The political development of Iraqi Kurdistan // International Journal of Political Science and Development. 2016. Vol. 4. №. 6. pp. 208-215.

13. Hama H. H., Abdullah F. H. (2021). Political parties and the political system in Iraqi Kurdistan // Journal of Asian and African studies. Vol. 56. №. 4. pp. 754-773.

14. Kurdistan: Constitution of the Iraqi Kurdistan Region. URL: <https://unpo.org/article/538?id=538> (accessed: 17.05.2024).

15. Le Kurdistan seul au monde après son référendum. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/2017/09/27/01003-20170927ARTFIG00298-le-kurdistan-seul-au-monde-apres-son-referendum.php> (accessed: 17.05.2024).

16. Manzinger, K., & Wagner, P. (2020). A szíriai kurdok és Rozsava – alternatív társadalomépítés a Közel-Keleten. Honvédségi Szemle – Hungarian Defence Review, 148(1), 15–40. DOI: 10.35926/HDR.2020.1.2

17. Mohammed J. A., Alrebh A. F. (2020), Iraqi Kurds: The dream of nation state // Digest of Middle East Studies. Vol. 29. №. 2. pp. 215-229. DOI: 10.1111/dome.12216

18. Six years after Afrin occupation, violations of human rights persist without any signs of abating. URL: <https://www.kurdistan24.net/en/story/34318-Six-years-after-Afrin-occupation,-violations-of-human-rights-persist-without-any-signs-of-abating> (accessed: 17.05.2024).

19. Sumer F., Joseph J. (2018). The paradox of the Iraqi Kurdish referendum on independence: contradictions and hopes for economic prosperity // British Journal of Middle Eastern Studies. Vol. 45. №. 4. pp. 574-588. DOI: 10.1080/13530194.2018.1430533

20. Sunca Y. (2020). The bifurcated trajectory of nation formation in Kurdistan: Democratic confederalism, nationalism, and the crisis of capitalist modernity // Nations and Nationalism. Vol. 26. №. 4. pp. 979-993.

Об авторе

Сулейман Антон Ахмадович – стажер Института международных исследований МГИМО МИД России, стажер Российского Совета по международным делам (Россия), E-mail: Sulejman_A_A@my.mgimo.ru

Suleiman Anton Akhmadovich – Research Intern in Institute for International Studies of MGIMO-University, Intern at the Russian International Affairs Council (Russia), E-mail: Sulejman_A_A@my.mgimo.ru